

Евгений Угрюмов

Сиреневая
драма, или
Комната смеха

Подзаголовок

Евгений Угрюмов

**Сиреневая драма,
или Комната смеха**

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Угрюмов Е. Ю.

Сиреневая драма, или Комната смеха / Е. Ю. Угрюмов —
«ЛитРес: Самиздат», 2006

Ныне, во избежание всяких недоразумений, автор заранее уведомляет, что "Принцесса Брамбилла", как и "Крошка Цахес", - книга совершенно непригодная для людей, которые всё принимают всерьёз и торжественно; однако он покорнейше просит благосклонного читателя, буде тот обнаружит искреннее желание и готовность отбросить на несколько часов серьёзность, отдаться задорной, причудливой игре".

(Э.Т.А. Гофман, "Принцесса Брамбилла")

0

Евгений Угрюмов

СИРЕНЕВАЯ ДРАМА,

ИЛИ

КОМНАТА СМЕХА

(сиреневая драма)

1

Эпиграф на правах необходимого преуведомления.

"Ныне, во избежание всяких недоразумений, автор заранее предупреждает, что "Принцесса Брамбилла", как и "Крошка Цахес", – книга совершенно непригодная для людей, которые все принимают всерьез и торжественно; однако он покорнейше просит благосклонного читателя, буде тот обнаружит искреннее желание и готовность отбросить на несколько часов серьезность, отдаться задорной, причудливой игре..."

Э.Т.А.Гофман, "Принцесса Брамбилла"

Против любви, никакого нет, Никий, лекарства на свете.

Нет ни в присыпках, ни в мазях, поверь мне, ни малого

прока;

(Киклоп Полифем в идиллии Феокрита, «Киклоп»)

Только, увь, мне! – любви, никакая трава не излечит...

(Феб в «Метаморфозах» Публия Овидия Назона)

Акт первый

Сцена первая

Как влияют ароматы распускающейся сирени на сильфов, эльфов, симпатичных внучек и их бабушек. Какие бывают странные дома на улицах, которые заканчиваются туниками и выходят задними фасадами к речкам. Как могут усыпить, и какие вызвать видения гадания на картах.

2

Сирень в этом году распустилась рано и такая, что сильфы и эльфы, напоенные её запахом, одурели и от любви расходились до того, и осмелели (любовь же не видит ничего перед собой – только губки, щёчки, всякие округлости... об этом ещё впереди), осмелели до того, что устраивали любовные посиделки прямо на носу у аккуратной старушки, в вечерние летние сумерки выходявшей посидеть на лавочке в палисаднике и вдохнуть, ах! духа сиреневой любви, усугубляемого неистовыми ароматами метеол (ночных фиалок). Старушка носила тёмное платье, рустикального стиля (от слова *rusticus*, что по-латыни значит, "деревенский") с серебряными нитями и с белым кружевным воротничком, какие были модны (старушка была в своё время модницей) ещё тогда... ещё до того как появился стиль морской с бело-синими как на тельняшке полосками.

Бабушка Света (так звали старушку) сидела на лавочке, вдыхала ароматы и отмахивалась от комаров, и отбивалась от них зелёной веточкой, и не знала, что это никакие ни комары, но прозрачно-подобные существа. Ах! если бы она знала! если бы она знала, что это эльфы, что голубокрылые сильфиды... она бы – наоборот, позволила им шуршать, хоть и у себя на носу и ещё старалась бы подслушать и, скосив глаза, подглядеть – как там у них протекают любовные ахи и охи, и объяснения, и заверения в вечной любви.

Бабушка Света была большой фантазёркой, вся в своих родителей, которые не пропускали «крещенский вечерок», чтоб погадать на картах, или со

свечками, при зеркалах, или по огню, или по воде и не только признавала, но и не могла жить без чего-нибудь очаровательного и удивительного. Особенно ей интересны были истории про любовь, но такие, чтоб с «храм блестит свечами», а вместо храма вдруг гроб и мертвец, и «лик мрачнее ночи», и «голубочек белый», но в конце, чтоб обязательно: «Статный гость к крыльцу идёт... Кто?.. Жених Светланы».

Подперевшись локотком,

Чуть Светлана дышит...

Вот... легохонько замком

Кто-то стукнул, слышит;1

Бабушка Света жила теперь вместе со своей внучкой, и, если бы не внучка, вряд ли она, даже с такими превосходными её качествами, попала в нашу жаркую сиреневую историю. Внучка у нас – главная героиня – вся в бабушку, прабабушку и прадедушку, что касается удивительного и волшебного и что касается любви к историям о любви. Только внучке баллады Жуковского и Катенина, и роман про любовь Онегина и Татьяны казались несколько придуманными и больше нравились душещипательные истории Маргарет Митчелл или «Поющие в терновнике», Колин Макклоу, где, как она считала, была настоящая жизнь, а не сочинённая; хотя историю про Мастера и 1 Василий Жуковский, «Светлана».

3

Маргариту и о бедной Лизе, конечно же, тоже сочинённую, она тоже любила; поэтому и звали её Лиза; и всё равно, несмотря на нелюбовь к старинным балладам и романам в стихах, внучка была – сама прелесть.

Лизета чудо в белом свете, -

Вздыхнув, я сам себе сказал, -

Красой подобных нет Лизете;

Лизета чудо в белом свете;1

Или вот ещё:

Лиза, Лиза, Лизавета,

Я люблю тебя за это...

И за это, и за то... -

Истории

чудные стишки; кому только в голову они не приходили; и мне пришли в голову; какой-то голос произнёс их во мне, какой-то насмешник или пересмешник, которому только бы всё принизить и исказить; любой серьёзный и драматический стиль выставить на смех; подтрунить над ним и превратить в немецкий Kleinigkeit – что значит безделушка, мелочь и пустяк... Нет-нет! Кто же будет о пустяках писать повести и романы?

Внучка была сама прелесть, а раз она была сама прелесть, то и повздыхать о прелести, и помечтать о благосклонном взгляде внучки-прелести было столько желающих, особенно в дни, напоенные дыханием цветов и трав, когда и цветы, и травы сами занимаются любовью... было столько желающих...

Все желающие проходили по десять раз в день мимо палисадника и заглядывали сквозь или поверх в зелёную краску покрашенного штакетника, пытаясь найти, ну хотя бы какой-нибудь предлог быть допущенными внутрь. Скамейку подчиняли сто раз, так что от старой ничего не осталось.

Бабушка, а с ней и внучка посиживали теперь на новой, отшлифованной, покрашенной, пролаченной и уже со спинкой скамейке.

Но, как же так в жизни всегда бывает? Те, которые чинили скамейку и готовы были... да что там говорить, готовы были на всё – те были несимпатичны внучке Лизе... а те – правильнее сказать, тот, который не чинил и не был ни на что готов... да что там говорить – ради этого внука Лиза сама была готова на что угодно (любовь же не видит ничего перед собой – только губки, щёчки и всякие округлости...)

Сцена (читай улица), на которой развернулась сиреневая драма, называлась Тупичковая (что совсем не соответствует нашему симпатичному стилю) и называлась так потому, что заканчиваясь тут же рошей и речкой Чернавкой, дальше никуда не шла и не переходила ни в какую-нибудь другую. В конце улицы Тупичковой стоял дом, последний по правой стороне с садом за ним и 1Из Карамзина.

4

огородом, нисходящим прямо в уже названную речку Чернавку. Это как раз был тот дом, тот, в котором как раз жил тот, тот, ради которого внука Лиза была готова на всё.

Дом ничем примечательным не был, стоял себе, как и другие и, как все, ждал, ждал, когда выйдет его срок... стоял себе и ждал.

Из него (из последнего дома), из дверей на улицу, каждый день, утром, выходил молодой человек (тот молодой человек, для которого внука была готова на всё) и, каждый же день вечером, не дёргая за шнурок и не вставляя большой ключ, совсем, как господин Кабальеро (совсем, да не совсем), входил в те же двери. Не совсем потому, что перед господином Кабальеро двери открывались сами, а молодой человек открывал их сам.

Господин Кабальеро (ещё, люди его называли «Репейное Семя») жил в *предпоследнем* доме, по улице Тупичковой, направо, и этот дом, как говорили люди, был странненький (не старенький, а странненький) – странненький в том смысле, что в нём, внутри, никогда никого невозможно было заметить... жильцы такие тихие ли?..

Люди-соседи, которые, как всякие соседи хотели знать что-нибудь о соседях, видели, конечно, как иногда бывало, из парадных дверей, украшенных двумя деревянными резными рогатыми сатирами, выходила дама в жёлтом, цвета Куриной слепоты, платочке, похожая на домохозяйку ли, домоправительницу, на кастеляншу, ключницу, экономку ли? – выходила с плетёной корзинкой и возвращалась через какое-то время и, не дёргая за шнурок, чтоб кто-то открыл ей дверь, сама открывала её, вставив в замочную скважину старинный ключ, больше похожий на ключ от городских ворот.

Реже, но тоже бывало, выходил из дому господин – всегда с зонтом, который служил ему тростью и всегда в накидке ли, камале, пелерине ли – в наше время таких не носят, а носили когда-то в незатейливые английские и испанские времена граждане, хоронясь от дождя и сэры или испанские кабальеро (отсюда и Кабальеро). Перед господином Репейное Семя, когда он возвращался, двери открывались без шнурков и ключей – сами.

Кастелянша ходила с плетеной корзинкой на рынок; на рынке, прогуливалась от прилавка к прилавку, от корзины к корзине, при этом – говорили – не спрашивала «сколько стоит?» или «за сколько отдадите?», а так... и, напрогуливавшись, возвращалась домой.

Господин Кабальеро заходил в аптеку, что размещается на одном из пяти углов, на площади «Пяти Углов», и, в аптеке, некоторое время рассматривал

витрину со всевозможными лекарственными препаратами, в основном гомеопатическими: капли пустырника, семена льна, засушённые листья хмеля, цветки шалфея, элеутерококк, череда, кориандр, индийский подорожник, семена петрушки, корень хрена, корень айра, корень лопуха и корень же, долголетия, так называемую эхинацею, скромнолистный цветок (в скромности таится большая сила), который очищает кровь, выводит токсины, применяется при простуде, гриппе, бронхите, псориазе, экземе, угрях, грибке, менингите, гайморите, перитоните, ангине, герпесе и лейкопении...

5

Странным было не то, – говорили соседи, – что эти персонажи – а именно: Кабальеро с зонтиком и Куриная слепота с корзинкой – ходили на рынок и в аптеку, а то, что они ни с кем, особо, не общались, а войдя в дверь дома с вырезанными на ней рогатыми сатирами, которые, вытаращив глаза, заглядывали прямо в глаза прохожим, которых, кстати, не так уж много проходило мимо, потому что, как уже было сказано, дальше был тупик и – одним словом, было странно то, что войдя в дом, вышеперечисленная парочка персонажей пропадала (как приятно звучат эти три «п»: парочка персонажей пропадала, будто дирижёр за пультом палочкой протыкает пространство), а эти четыре подряд: парочка персонажей пропадала, – исчезала за дверями, и дом не подавал больше никаких признаков жизни.

«Будто они – вошедшие – проваливаются куда-то в другое измерение, – судили судить охочие, – или сквозь землю, или неизвестно куда...»

– ...и хоть бы слово оттуда!

– ...хоть бы шорох!

– ...скрип!

– ...или хоть что-нибудь.

Конечно, это было странным и непонятным, и двусмысленным, и разжигающим любопытство, и, поэтому, пытались заглядывать в окна, которые не были занавешены занавесками (занавес не был опущен, то есть, действие продолжалось), пытались уловить момент, чтоб подсмотреть за кулисы (всякому, конечно, интереснее то, что происходит за кулисами), но, сколько ни пытались, сколько туда ни заглядывали, видели лишь обставленные старинной мебелью комнаты, да в гостиной большие напольные часы, которые – казалось заглядывающим – к тому же не шли и, даже больше, казались нарисованными или, может, сделанными бутафорским способом. На подоконнике, внутри, за окном, стоял горшок с анютиными глазками, и «они-то – анютины глазки!» – подсмеивались язвительные бабульки, – они-то и казались единственными живыми существами в этом доме, потому что они (анютины глазки), и это не скрылось, и не ускользнуло от внимания наблюдающих, вращали своими анютиными глазками не хуже, чем сатиры своими вытаращенными, и с большим интересом наблюдали за тощей воробьиной (будто та была какая-то богиня любви!), прилетающей скупнуться в луже посреди улицы. «Вечером, – говорили люди, – за окнами зажигали свет, но кроме старинной мебели и стоящих часов там всё равно никого не бывало!»

Возвращаемся к молодому человеку, о котором надо сказать, что он каждый день ходил в Парк Культуры и Отдыха и работал там кассиром – продавал билеты на аттракционы, значит: в «Комнату смеха», в «Лабиринты», а летом – ещё на Карусель, на «Чёртово колесо» и на Качели.

Возвращаемся к Лизе. Ах, Лиза, Лиза! каждый день! два раза! туда и сюда

проходил он мимо палисадника! и ни разу не скосил глаз в её сторону, ни разу даже не посмотрел на неё, готовую... да что там говорить...

Как бы гуляя, прохаживалась внучка до речки и назад. Хотелось поближе, хотелось... трудно суетными словечками передать то, чего хочется

б

влюблённому сердцу. Вот окна, ручка двери... к которой он притрагивается, крыльцо, заборчик... симпатичный... может ей хотелось приглушить обычными вещами и картинами необычное, взбудораженное воображение?... а то – совсем невозможно было...

В *последнем* доме Лиза ничего особого не могла приметить (хотя, конечно же, конечно – там жил он и там было всё *любимее и желаннее*), но, объективно: «так, стоит себе и ждёт», а вот *предпоследний* дом – он был будто нарисованный, будто нарисован каким-нибудь причудливым художником, причудливым карандашиком и очень привлекал к себе внимание, и девушка, любопытствуя, пробовала тоже заглянуть в окна, но видела там то же, что и соседи: старинную мебель, напольные часы и горшок с анютиными глазками. Конечно, однажды, она заметила, что анютины глазки и сатиры на дверях провожают её взглядом. Внучка даже приостановилась... потом сделала два шажка назад, потом снова вперёд, следя за ними; потом приостановилась снова и снова пошла, и те (анютины глазки и сатиры) тоже – то останавливали свой взгляд, то продолжали провожать, останавливали взгляд и снова продолжали провожать её взглядом. «Этого не может быть, – подумала внучка Лиза – ей нравились сатиры на дверях, – но, они же деревянные...» И только она хотела отнести это на счёт своего большого волнения или каких-нибудь фантазий от нежного страдания, как сатиры затряслись и, как показалось внучке, надули щёки.

«...наверное, от обиды – за то, что их обозвали деревянными», – подумала внучка, хотя, она могла поклясться, что не произнесла ни слова вслух. Потом раздался скрип петель... может лодочных уключин (может, кто-то проплывал на лодке по речке Чернавке) – словом, наконец, дверь, наконец, открылась, и из неё вышел господин Кабальеро. Внучка Лиза так растерялась, что застыла на месте, будто она была какая-нибудь напроказившая нимфа, готовая превратиться в тростник, в лавровое дерево, в куст сирени, в ручей, в медведицу, в кобылицу, в ворону, в паучиху, в белоснежную тёлку или в созвездие на небе... 1 и только глазки её блестели (глазки у внучки были красивые и большие), смотрели на сатиров, а губки шептали что-то непонятное, невнятное, недоумённое «...это... я... хотела... не...» (а губки у внучки, были тоже красивенькие и пухленькие). Кабальеро некоторое время смотрел на чудесное вдруг оказавшееся перед ним создание, потом, следя за взглядом замершего в нездешней красоте (настоящая нимфа) создания мифов и грёз, посмотрел на сатиров, потом переложил зонтик в левую руку, правой же коснулся ярко-фиолетового с серебряным пушком берета на голове и сказал «Моё почтение!», и зашагал своей дорогой. Внучка Лиза тут же опомнилась и сделала что-то вроде маленького *Knicksen 2* и, правильнее будет сказать (раз маленький), *Knicksenchen*, но было уже поздно – Кабальеро знака приветствия и уважения не увидел, а может и увидел, только не подал виду.

1 Все мифы на эту тему, я надеюсь, известны читателю: это когда преследуемая нимфа, убегая от Аполлона, или

Пана, или и т.д. молит богов спасти её от преследователя и боги мольбам внимают, превращая бедняжку во что

только они сами хотят, но обязательно не в то, во что хотелось бы самой нимфе.
ЖКниксен (нем.)

7

Ах, как ругала себя внучка за такую нерасторопность. «А был же шанс! ах, бабушка! а может он что-то знает-может-что-нибудь!» – легкомысленная и навеянная чем-то тайно-ещё-непонятым нам идея! и внучка бросилась вслед, даже ещё не зная что она скажет этому чертополоху (почему чертополоху? она не могла себе объяснить; может из-за пелерины, но такое в голове само собой сложилось слово). Внучка бросилась вдогонку и вдруг увидела как солнечный луч вонзился в фиолетовый берет на голове господина с зонтиком, и берет вспыхнул, как вспыхивает сухая деревяшка, когда на неё направляют солнечный же луч через увеличительное стекло; потом заметались искры: по пелерине, по колючим растопыренным рукам; потом пелерина загорелась, и вдруг весь господин, подобно неуправляемой петарде, зашипел, заметался, взмыл вверх и, не долетев до солнца, рухнул вниз; вонзился в куст крапивы в канаве за заборчиком. Куст взорвался разноцветными крапинками, а одинокий одуванчик, от сильного движения воздуха, распался, как лопнул, и повис серебряными зонтами; а его трубчатый зелёный стебель согнулся, будто он был вопросительный знак, и сказал: «А без лишних движений и шума, ну никак нельзя, да?». Нимфа развела руками, будто хотела сказать: «А я-то здесь причём?» – сама же перегнулась через заборчик, пытаясь разыскать упавшего господина Петарду, но на месте падения лежал лишь фиолетовый берет, а когда внучка присмотрелась получше, оказалось, что это и не берет даже, но просто цветок репейника.

Прелестная наша Лиза и так, и этак пыталась что-нибудь разузнать про молодого человека (а теперь, заодно, и про дом с нескрипучими дверными петлями; было очень любопытно) и, однажды, даже попробовала что-нибудь рассмотреть, аж с другой стороны Чернавки, потому что огороды выходили, как я уже сказал, к самой реке; но это было далеко и, пожалуй, ей помогло бы *sköne Ocke*, чудесное стекло, элегантная подзорная трубка, которую за *Tre Zecchini* продал влюблённому в искусственную куклу студиозусу Натанаэлю господин Коппелиус – известный оптикус, механикус и продавец барометров, и она увидела бы и господина с зонтиком, сидящего на веранде в плетёном кресле, за плетёным же, из лозы столом и разглядывающего через лупу гербарий из лекарственных цветков, и молодого человека с удочкой, сидящего под большим ивовым кустом...

Но, такого персонажа (механикуса Коппелиуса) в нашей драме нет, да и время ещё, пока, не совпало, не состыковалось: тогда, когда молодой человек сидел с удочкой – внучки не было на другой стороне Чернавки, а тогда, когда внучка пыталась что-нибудь *рассмотреть* с другой стороны Чернавки – господин Кабальеро не *рассматривал* через лупу гербарии... да что там говорить... о времени – особый разговор.

Есть ли такой писатель или поэт, который *хоть* пару мудрых слов не посвятил феномену времени. Я, конечно, как и все, не обойду его (время) молчанием... мало того, господин Время в нашей драме достаточно невторостепенный персонаж.

8

А сирень, между тем, цвела, сирень сводила с ума, сирень струила запахи и испускала флюиды, и чего только она не испускала и не струила, чтоб разбудить

любовные фантазии и довести их до умопомрачения.

И доводила.

Надышавшись сиренью, внучка впадала в неистовое любовное томление, и ночью ей снились живые сны. Смятенная, сначала она не могла никак заснуть, переворачивалась с боку на бок, раскидывалась на хрустящих накрахмаленных простынях, комкала подушку, трогала себя... а потом засыпала... и оказывалась на известной скамейке под кустом сирени. Куст дышал в самое ухо, клал свою бессовестную руку на оголённую грудь, гладил её и добирался туда... и тогда: поднимался занавес и приоткрывались покровы – розовые, как вечерняя Заря, которую дарил Изиде Озирис, когда она, обожаемая, отходила ко сну, ожидая сладкой ночи, когда её пышущее жаром (не путать с повседневным словосочетанием «пышущее здоровьем» – это несколько и даже совсем другое), пышущее жаром тело ждало любви и ласк, а ночные фиалки вокруг, обнажившись, источали аромат, который был, как отравы, и у настоящих кавалеров от этого кружилась голова, и они роняли лепестки и мечтали о несбыточном.

– Ты, моя прелесть, – шептал сиреневый куст, – ты моя ласковая...

И у ласковой внучки не было сил остановиться. Желание жгло, пронзало, да что там говорить... Оле-ой! Оле-ай! Оле-э!.. она была готова на всё... и тогда падал, ах! падал... почему? занавес, и смыкались, смыкались ах! покровы, белоснежные, как утренняя Заря, которую дарил Изиде Озирис, когда она, обожаемая, ещё только просыпалась от любвеобильной ночи, когда туман ещё стелился над горячим телом земли, а роса ещё сверкала на её острых ресницах. Внучка открывала глаза и возвращалась в явь. Вчера он снова не посмотрел на неё, снова прошёл мимо: «... ах! бабушка!»

– Что, милая? (так говорили все бабушки на свете: в сказках и романах, в рассказах и эпопеях).

– Ах, бабушка! Ах!

– Моё дитя, ты влюблена! – (Это тоже какая-то неприпоминаемая классика).

– Ах, да... не знаю...

– В чём же дело?

– ...не знаю!.. Он меня не видит...

– Что?

– Не замечает!

– Ах! Не замечает! Дитя моё!

И вот сидят бабушка и внучка за большим круглым столом. Вечер. В открытое окно всё также полыхает сиреневый суррогат, настоящий на ядовитых испарениях метеол. Настольная лампа зелёного стекла выхватывает из тёмной тени, поблеском, семейные портреты на стенах (прадедушку с прабабушкой в пору их молодых лет), картину в чёрной раме с вышитым на ней

9

гладью, по чёрному же плотному тикю, распустившим хвост из аргусовых глазок павлином около фонтана. Фонтан – из серебряных ниток, в виде серебряной рыбы, из открытого рта которой бьет серебряная же, струя. Лампа графично и контрастно, как на плакате, высвечивает неровные очертания лиц бабушки и внучки, но главное её (лампы) круглое пятно лежит на столе, и в нём размётаны в магическом строе карты Тарот. Бабушка тасует их, даёт срезать внучке, швыряет на стол, складывает из них кресты и треугольники... и веером, и звёздами; тасует; снова внучка, дрожа сердцем, с надеждой в нём же, срезает...

«Двадцать шесть, – раскладывает карты бабушка, слюнявит пальцы, – раз - двадцать шесть, два – двадцать шесть, три... семнадцать плюс одна, одиннадцать плюс две», – всё перемешано ещё раз, ещё раз срезано: душа, дух, тело – всё налицо!

«Тринадцатый Аркан – безумие и сумасбродство...»

– Ах, бабушка!..

– Ах, Лиза, внучка... выпала злодейка... безумие и сумасбродство...

– ...и возрождение в другом обличье... я знаю... в каком?

– Злодейка! косит головы! Бедняжки падают под ржавую косой. Но вот! – и бабушка открывает следующую карту, – 6-й Аркан – Телец – посредник сил, добро и зло, вот видишь, рядом; рядом справа добродетель, а слева искушение, порок! Препятствия перед тобой, дитя, путь к счастью преграждён, а нерешимость пагубна. Борьба. Как будешь ты, дитячко дорогое, увлечена страстями! и совесть... ах! внученька. Постой, а это что? Пятёрка бубен!

– Я знаю, бабушка! Я знаю эту карту. Возлюбленный, супруг, согласие, приличие, благопристойность – вот что она значит!

– Ах, внученька, но карта – легла наоборот. И значит, что беспутный, дурное поведение, раздор, разлад, разврат! Случайной встрече, моя прелесть, случайности обязана ты будешь... случайность, всё-таки, сведёт вас с ним...

– С ним? С кем? кто он?

– Сейчас, дружок, подожди, сейчас мы всё узнаем... ах, что за карта?

Дорога, хаос, шум, огласка и напряжение ума – всё дрянь идёт! Вот! Он! Валет пиковый: брюнет...

– Ах, нет! Брюнет?

– ...брюнет дурного поведенья, безнравственный, лишённый деликатности, пренебрегающий святым... а вот и туз пиковый с ним, рядом – не первый брак!

– Ах, этого не может быть!

– «Повешенный» – 12-й Аркан...

– Да, я знаю – это жертвы, испытанья... Я знаю, я на всё готова!

– ...насилие и неблагодарность, ужасная случайность! Восьмёрки две...

– Знакомство?

– Семёрки – четыре целых рядом...

– Интрига?

– Король пиковый... козней... вот козни от кого, вот кто строит куры...

И бабушка снова раскладывает карты, плюёт на пальцы, раскладывает и снова плюёт, раскладывает и плюёт, раскладывает и плюёт: «...земные вещи так
10

непрочны... возрожденье вечно, жестокие враги, изнеможение ума, снова враги, невинность, разорванное платье... замешательство, опустошение...»

Часы на здании администрации города бьют полночь.

«...дисгармония... в себе... самой... доходит... до... разлада... отсрочка... замедление... сопротивление...»

«От жары мысли путались, сплелись. – Сплести, что ли, венки? Но для этого надо подняться. Пойти. Нарвать. Одуванчиков»1.

Неожиданно, порывчиком, сквознячком влетает сиреневый ветер, звенят стёкла, лампочка на мгновение гаснет, а когда зажигается – карты лежат на столе все перемешанные, перевёрнутые, разбросанные и только у испуганной бабушки Светы в руке девятка пик, и бабушка по инерции, произносит: «...С королём. Девятка. Пик. Несправедливость. Наговор...»

Этой ночью внучке приснился бы Император (сослагательное наклонение «приснился бы», прошу заметить), четвёртый Аркан, похожий на... господина с зонтиком, с трёххвостой метёлкой метеол в одной руке и букетом сирени, вместо ключа жизни, в другой; приснилась бы Папесса, двойная буква и второй Аркан. Луна. Изида с книгой. С книгой на коленях, похожая на бабушку, которая была бы жена фараона и говорила бы стихами:

Пятнадцатый Аркан, Тифон.

Фатальный. Змей.

Судьба. И пропасть. И...

Тайна...

...а между тем, чёрные пионы в набедренных повязках... с раскосыми глазами... атлеты... и стройные их тела, и мускулистые ноги, и красивые животы... теперь внучка утопала бы в постели цветов... Ах, бабочка (не бабушка, а бабочка)... Ах, бабочка прикосновений! Оле-ой! Золотой колос, непочатый жар, язвящий дрожащим наслаждением! Оле-ой! Оле-ай! Оле-э!.. потом, к сожалению, оказалось бы, что чёрные атлеты совсем не атлеты, но всякая пиковая и трефовая мелочь, которая наступает, вмешивается не в своё дело и сулит сплетни, переезды, измены, опоздания, потери, казённый дом и безумную любовь в уединении... Четвёртый Аркан, при этом, морщился бы, грозил трёххвостой метёлкой, а между рогами Изиды-бабушки трепетала бы и шипела огненным язычком змейка-урей: «...страсть пагубная, цепь желаний!».

Сирень расцветала бы, распускались бы цветки, и на одном цветке могло бы быть пять лепестков, их надо было бы съесть и тогда...

«Помнишь, друг, как раз весной,

В ароматный, майский день,

Обрывали мы с тобою

1Льюис Кэрролл, «Приключения Алисы».

11

Расцветавшую сирень.

О пяти листочках венчик

Ты искала меж цветов

И чуть слышно, точно птенчик,

Щебетала много слов: -

и стоило бы протянуть руку, -

«Всё четыре, всё четыре,

Всё не вижу я пяти,

Значит, счастья в этом мире

*Мне, бедняжке, не найти».*1

Весь сон должен был бы протекать в сопровождении каких-нибудь барабанов или флейт.

Всё это приснилось бы внучке Лизе, если бы вместе с порывчиком ветра в дверях не появился господин с зонтиком, Кабальеро или, наоборот, вместе с Кабальеро, не родился бы порывчик и сквозняк, который перемешал все карты на столе.

С ц е н а в т о р а я

О сердечных и целебных влияниях полевых трав. О любви солнечного луча к изнеженной испарениями неги Земле. О Старине Время. О первых нежных чувствах Лепушка.

Там, в долине, где белые ромашки ласково лепетали с голубыми

колокольчиками и нежно нежились в их сине-бело-зелёно-розовом обожающем обожании (те ромашки, которые ещё никогда не попадали в руки влюблённым, чтоб гадать на них «любит, не любит»); там, где лён-кудряш, такой синий, синее, чем само синее небо, обаял незабудок обаятельными *galanterie* и *compliments*; где жёлтые и белые ветреницы (ударение можно ставить и на «е», и на «и»), раскачиваясь от ветерка (кстати, шептались шизонепетки многонадрезные² между собой, что Ветер – какой уж там точно Ветер никто не знал – что Ветер ветреницам – отец), ветреницы раскачивались от ветра и обольщали, раскачиваясь, и колокольчиков, и лён, и кукушкин лён; ими восхищались и готовы были для них на всё (этот *collocation* уже встречался в рассказе несколько раз, но что делать – так оно на самом деле и было), готовы были на всё для ветрениц: и репешок волосистый, и лопух войлочный, и лабазник вязолистый; и василистника малого они соблазнили, посылая ему изредка то белый, то жёлтый надушенный платочек, и тот, от напряжения 1неизвестные стихи неизвестного талантливое поэта.

2*Schizonepetamultifida* (L.)Brig.-(лат.),Семейство Губоцветные/Яснотковые – Labiatae/

Lamiaceae

12

страдания покрывался каплями яда (см. сноску¹), хотя ветреницам это было совершенно не опасно, потому что они и сами ядовиты, и ещё как (см. сноску²)! Словом там, где никто ещё и подумать не мог пользоваться ромашки, чтоб гадать на них, точно так же, как никому не приходило в голову глотать сиреневые венчики с пятью или шестью отгибами...

Всё четыре, всё четыре,

Всё не вижу я пяти...

...где никому в голову и не могло ещё прийти заваривать те же ромашки и пить их, как успокоительное для желудка, или полоскать этим чаем горло, или прикладывать листья сирени к ране и таким образом рану исцелять...

Я купила себе белую сирень.

Я поставлю её в вазу на окне,

Чтоб ты знал, что у меня хороший день...3

...там, где ещё не давили изо льна-кудряша масло, а кукушкиным льном не лечили половые недомогания и заболевания кожи, а теми же шизонепетками не пользовались, как противокклюшным средством, где вероника поручейная и герань луговая, купена и купальница, медуница и княжик, и золотисто-жёлтая, как солнышко, красильная купавка цвели и пахли, что называется, в своё удовольствие, и влюблялись, и кокетничали, рождались, вступали в брачный период, воспитывали молодых, и у тех, в свою очередь, тоже наступал брачный и все остальные периоды, и... где ароматы трав и чуть видные помахивания лепестками были словами любви и признаний, которые сильфы и эльфы, витая и кружась, перенимали у цветов, учась у них языку искушений – словом, там и тогда Земля, сама изнеженная испарениями любви и неги, дыханием страсти и пылким солнечным лучом, родила Лепушка. Это потом его обозвали лопухом, и мордвином, и татаринном, и собакой, и волчком, и басурманской травой, и репейником, и чертогоном (*квіти ангельський, а кігті диавольський*)⁴ – это потом, а сейчас он был ещё такой нежный, такой стройный; стебель у него был прямостоячий, ветвистый, бороздчатый и слегка паутинистый, листики короткочерешковые и по краям колюче-реснитчатые, а цветки – лилово-пурпурные, собранные в корзиночки и сидящие на паутинистых же ножках. Тот

же ветерок, который покачивал ветрениц, овевал и лепушка своими проникновенными дуновениями, но Земля-мать хранила ещё несовершеннолетнее дитя от ненужных прикосновений – и трепетанья его пушистого хохолка совсем ещё не означали любовного нетерпения или заблуждения чувства – пока, это были только открытые вовсю на мир глаза, 1ThaliktumL.- (лат.), Медонос и перганос. Ядовитое лекарственное растение. 2Anemone-(с латинского – дочь ветров). Ветреницы ядовиты. Яд их называется – анемон. 3Любовь Захарченко, поэтесса. 4цветы ангельские, а когти дьявольские (укр.)

13

впитывающие равно дневной жар и вечернюю прохладу, как откровения любящего его окружающего бытия.

Но, пришло время...

«...и как тут не вспомнить Старину Время»¹: оно, то незаметно пролетает, то бежит – не догонишь, а то стоит на месте, «Особенно на уроке музыки».

Однажды утром время пришло и остановилось, и даже не то чтобы остановилось – лепушок перестал его замечать, впрочем, как и всё остальное, и даже то, что расцвела сирень²... лепушок перестал замечать даже сирень, хотя сирень немало делала в своей жизни, чтоб остановить время и чтоб пришла пора...

Татьяна прыг.....

.....

Летит, летит, взглянуть назад

Не смеет; мигом обежала

.....

.....

Кусты сирен переломала...³

Лепушок не видел ничего перед собой, только губки, щёчки и всякие округлости.

Ах! та первая, незабываемая (хотя, бывает часто, и вторая, и третья тоже вспоминаются и тоже с удовольствием), та первая, незабываемая – она действительно вся была из щёчек, которые были белизны небесной (я здесь имею в виду белизну не как цвет неба, но как целомудренное и нетронутое пространство под названием – небо); из губок, которые были, как кораллы (я говорю здесь о кораллах наярчайшего красного цвета, которые таят в причудливых формах своих, в своих непереносимых рельефах неистовые вопросы и невинные ответы), и из округлостей... да что там... лепушок был готов для них на всё.

Сцена третья

Какими бывают приятными сны и несимпатичными пробуждения.

– Лиза! Лиза! Внушенька! – трогала за плечо бабушка внучку. – Да ты, никак, уснула?

– Ах, бабушка! А где же господин с зонтиком?

¹Это, как вы понимаете ещё не мои собственные экзерсисы на тему «время». Это из Льюиса Керролл,

«Приключения Алисы».

²Время и сирень потом отомстили за это Лепушку.

³Из «Евгения Онегина».

14

– Господин с зонтиком? Это тебе привиделось, наверное? Не было никакого господина.

– Мне показалось сейчас, что господин с зонтиком... рассказывал удивительную историю... о лепушке и непереносимых рельефах.

Нет! не было никакого господина с зонтиком – а только сирень в окне¹.

И снова надышавшись сиренью, внучка впадала в неистовое любовное томление, и ночью ей снова снились живые сны; и снова, смятенная, сначала, она не могла никак заснуть и переворачивалась с боку на бок, а потом снова раскидывалась на хрустящих накрахмаленных простынях и комкала подушку, и трогала себя... а потом снова засыпала; и набрасывалось на неё необъятное дыхание пространства, неохватный простор плодоносящих и разящих душистостью цветов и трав. Ах! звенящие поцелуи света! Оле-ой!.. неприкаянные мурашки осязаний! Оле-ай!.. проникающая маета боязливого желания! Оле-эй!.. и золотой колосс (теперь уже не колос, а колосс), и золотой колосс – непчатый жар, язвящий дрожащим наслаждением! Оле-ой! Оле-ай! Оле-э!.. и тогда поднимался занавес, и приоткрывались покровы, нежные и прозрачные, как лепестки розы, которую дарил Купидон Психее, когда она, ненаглядная, в ночи, ждала его – невидимого, таинственного и вожаемого телом и мыслью.

Возлюбленный!

По-юношески гордо возвысился он над цветущим лугом. Он источал лучи любви и тянулся к ней всеми фибрами взбудораженной сиренью души.

Возлюбленная!

Она тоже тянулась к нему, и они шли, взявшись за руки, обнявшись, утопая в хохочущем, бьющемся, пенящемся, переливающимся через край, трепыхающемся (уф-ф-ф) упоении; они плыли...

Ты беги, челнок сосновый,

Ты плыви, как пузырьёчек,

*Как цветочек, по теченью!*²

... и челнок их плыл, скользил поверх радостного многоцветия жизни, и казалось, что мир вокруг только и ждёт момента-случая предоставить им уютный уголок, норку, ложбинку, где они могли бы присесть и пить от чаши с любовным напитком.

«Изольда сделала несколько больших глотков, потом подала кубок

Тристану, который осушил его до дна».

¹ Сирень содержит в себе страшную синильную кислоту, от чего и пахнет так дурманно.

Достаточно 5/100

грамма синильной кислоты, чтоб отравить человека. Присутствие 1/10 гр. синильной кислоты в воздухе

достаточно, чтоб в этом воздухе вымерли не только насекомые, но и животные.

² Калевала.

15

К сожалению, в этом месте изображение расфокусировалось (может, бабушка на кухне кастрюлькой...) и внучке только показалось вдруг, что возлюбленный её похож на господина с зонтиком Кабальеро.

... упал занавес, сомкнулись покровы, тонкие и чистые, как любовь, которую дарил Психее Купидон, когда она в своём сне ещё держала его в своих объятиях, а нежный Зефир уже раздувал угли зажигающейся Зари (какая-то тоже неприпоминаемая классика).

«Ах, бабушка!»

Внучкаоткрывала глаза и, совсем как птичка Психея, чувствовала себя покинутой; божество упорхнуло и на губах остался сладкий вкус... а здесь – всё как было: смятая накрахмаленная простыня, ночник, горевший всю ночь, книжки по химии, ботанике и русскому языку... (здесь надо воспользоваться случаем и сообщить, что внучка приехала к бабушке издалека, чтоб поступать в педагогический институт на учителя биологии, а если не повезёт, то в техникум на агронома, но, как видите, с этой сиреневой мятежью, пока, было не до подготовки к экзаменам, и книжки лежали, *пока*, стопкой на полу).

Так вот утром, всё как было: смятая накрахмаленная простыня, ночник, горевший всю ночь, книжки, павлин с аргусовыми глазками, похожими на анютины, бабушка – «нашепчет на палочку, на камушек, на какой другой пустяк»¹, сирень, метеолы, парни, играющие и заигрывающие глазами из-за штaketника – но только не он.

«Ах, бабушка!»

Сценачетвёртая

О неожиданных встречах. О нежных чувствах отдельных цветков и целых клумб. О тайных знаках любви и о проникновенных валторнах, кларнетах, флейтах и гобоях.

Заасфальтированные дорожки резали Парк Культуры и Отдыха на угловатые неровные участки; работники паркового хозяйства, неутомимые, жадные до работы гномы настилали асфальт там, где люди протапывали их (дорожки).

«...потаённые уголки, уютные закоулки, тайные тропинки...» – «ах, бабушка!» – ничего этого не было, и на «неведомых дорожках» не было ни людей, ни следов, потому что, наверное, был будний день, и девушка гуляла в своём, поэтому, потаённом же одиночестве, и её не оставляло ночное сновидение. Всматриваясь поглубже, теперь ей уже казалось, что челнок их плыл по не совсем прозрачно-изумрудной глади, что белые водяные лилии и

1 Апулей

16

рыжие кубышки в своих хоровах не так уж и радовались их нежной любви; она уже видела, что гладь подёргивалась морщинистой мутью, что *белые* кувшинки-нимфеи бледнели и криво улыбались, будто вспоминали пузатого изменщика Геракла, а *жёлтые* кувшинки-нимфеи и вовсе закрывали свои чашечки, может быть, боясь не углядеть за своим легкомысленным эльфом, который так и стремился слетать, посмотреть, то на удивительный закат, то на восхитительный рассвет.

Но эта неприятная картина не задержалась в головке у внучки; лишь – мгновение – влюбленные же не видят ничего перед собой... и Лизанька стала рисовать в воображении портрет желанного, того, который жил в самом последнем доме с правой стороны, по улице Тупичковой... окна, ручка двери, к которой он притрогивается... заборчик... симпатичный; но чем больше рисовала, тем больше портрет не походил на того...на того, который жил в последнем доме по улице Тупичковой, а всё больше походил на того – на того, с которым она так опьянено мчалась к ложбинке, хотя, точно – она никак не могла понять кто же это такой.

Может протагонист надел не ту маску; ошибся; случайно; перепутал; и теперь ввёл в заблуждение, и действие должно было принять другое направление... может актёр, играющий второстепенные роли, подсунул – чтоб

подсмеяться с друзьями за кулисами?

Нет-нет! всё не так просто.

...внучка пришла в Парк, томясь любовью, чтоб попытаться в тишине, в «потаённых уголках», как советовала бабушка, успокоить свои чувства. Тогда она и не знала ещё, что предмет её страсти, там, в этом самом Парке, служит кассиром, и ещё даже не знала как зовут... внучка пришла, потому что ноги, в горемычной надежде, сами привели её сюда. Внучка сидела на скамеечке, к которой ещё не успели проложить асфальтовую дорожку, и смотрела, как жёлтые крапивные цветки разбрасывают фейерверками искорок пыльцу, и вдруг она вспомнила, ясно поняла, что портрет принадлежит господину с зонтиком. «Как же у меня в голове всё перемешалось!» – подумала, улыбнувшись (как бледные лилии в сновидении), внучка Лиза и поспешила к парковым аттракционам, чтоб ветер на самой высоте «Чёртова колеса» продул и развеял, и освежил её горячую голову.

Протягивая деньги за билет на «Чёртовый аттракцион», в кассовом окошечке внучка увидела нашего молодого кассира и вспомнила: зелёную лампу, павлина, бубновую пятёрку и бабушку: «...случайность всё-таки сведёт вас с ним...» – ах, бабушка!

Наступила пауза – у внучки не разжимались пальчики, которые держали смятую купюрку; молодой человек-кассир пытался получить плату (билет оторван, и хотелось бы получить). Потихоньку он выкручивал из растерявшихся от случайной случайности пальчиков бумажку, и, наконец, она (бумажка) оказалась у него в руках. Пауза вырвала из внучки и сновидения, и представления, и понятия. Портрет Кабальеро распался; сложился зато, настоящий, живой, прямо перед глазами, в окошке кассы возникший, желанный;

17

не весь (поясной портрет в раме сине-зелёной кассовой будки), но и это была такая неожиданная радость, но и это уже привело нашу прелесть в любовное томление (из которого она, собственно говоря, и не выходила). Лиза опустила глаза и видела сначала, только отдельные части: руки, с вильчато-разветвлённой гладкой и желтовато-зелёной кожицей (в том, что кожица была желтовато-зелёной ничего странного не было, потому что так, жёлто-зелёно, отражалась на «кожице» окружающая зелень дерев. О зелени дерев позже будет отдельно), об этом эффекте, называемом „рефлекс“, хорошо знают художники – у них всегда на милом розовом личике можно найти всякие-разные, не имеющие к личику отношения, неприятные краски... о-о-о! о чём это я? В начале... Сначала... Лиза видела... Ну, с разгона: видела только отдельные части: руки с вильчато-разветвлённой гладкой и желтовато-зелёной кожицей, пальцы-глубоковыемчатые по краям реснитчатые и ланцетные, жилки, жи-ло-чки на поверхности кистей – неясные голубые трепещущие... Лиза стала поднимать глаза... три расстёгнутых пуговички-перловицы, открывающие ложбинку, ямочку под названием «душка» – «душка» – всего лишь деревянная палочка во внутренностях скрипки, но отзывается, как настоящая душа, на тончайшие звуки страдающего любовью сердца, да что там говорить... в ней клокочат слёзы, и клокочет же, радость, и ещё – в потаённый закоулок так приятно уткнуться носиком... так близко, наконец, так рядом, наяву... щёчки, губки, такие милые...», – и вдруг, вместо лица – лицо господина с зонтиком в фиолетовом берете... нет такого знака пунктуации, чтоб обозначил эту паузу. Лучше написать словами: Па-у-за, – а уж потом, набирая снова темп: внучка

вскрикнула, закрыла глаза, хотела бежать... легкомысленная, но подумала и дёрнула за шнурок...

...сатиры расшаркались, анютины глазки скосили глаза, а Куриная Слепота, образовавшись в дверном проёме, запахла так, что нарисованные на толстом картоне напольные часы зазвенели голубыми колокольчиками, в каждом из которых сидела золотая пчёлка, потом бубенчиками, потом запели сопелями и свирелями, пастушьими рожками, засвистели свистульками и, вместе с курантами, стали наигрывать всякие пасторальные мотивчики, может даже Пасторальную симфонию (внучка в этом не разбиралась). На многочисленных циферблатах задвигались в пасторальных же танцах пастушки и пастушк и стали по-театральному разыгрывать идиллические (можно тоже сказать пасторальные) сцены нежной любви. На других циферблатах закружились в мерцающей карусели числа годового календаря, времени восхода и захода Солнца, знаки Зодиака и шкала взаимного расположения планет. Барометры, термометры, психрометры (не психометры, а психрометры¹) и компасы расположились по углам и добавляли в оркестровое звучание тиканий и перешёлков. В комнату – нет! и комната, вдохнув (не вздохнув, а вдохнув) жёлтого, как жёлчь духа Куриной Слепоты, уже стала паркетной, колонной... под ослепительным, голубым в белых узорах потолком повисли большие, круглые и золотые солнца, а в потаённых уголках, за колоннами, притаились: 1от греч. *psychros*– холодный и ...метр. Ничего общего с психикой не имеет и употребляется для измерения относительной влажности.

18

лиловая и пунцовая полумгла, кобальтовый полумрак, карминная полутень и штофные истома с негой, и казалось, что там брезжит Луна, и её всплески там, в побрызгиваниях колючих звёздочек, поглаживают скользким лучиком совершенные формы совершенных в своих порывистых и чувственных движениях, вышитых серебряной гладью на чёрной драповой драпировке стен: мифологических аполлонов с клитиями, марсов с венерами и зевсовс ледами... Посейдоны с амфитритами там нежились, плутоны с персефонами ласкались, персеи с андромедами прислонялись друг к другу, гераклы с деянирами касались и возлежали, а атриды с хрисеидами, ахилесы с брисеидами и остальные ураниды, *einfaeh* (что значит – просто), блаженствовали. В открытые на огород двери вплывали уже кавалеры и дамы во фрачных нарядах и бальных убранствах: розы, георгины, гортензии, с наклеенными на румяные щёки, на зелёные изящные шейки, на тонко-округлые плечи и на высокие перламутровые груди всякими мушками – чтоб маки, нарциссы, ландыши и анемоны по галантным знакам догадывались бы об их (роз и георгин) пылкой любви, об ожидающей их (нарциссов, ландышей и анемонов) радости, о чести, которая может *выпасть* на их же долю; или о неожиданной печали, или о болезни (любовной же), о пролитых слёзках, о девственности, о безосновательной и основательной тоске, о сердечном признании, об отказе и о: «люблю, да не вижу»¹. Маргаритки изысканно, загадочно и, как в настоящем театре, надломлено переступали порог крохотными ножками; незабудки, фиалки, гвоздики, с развевающимися за ними газовыми шарфиками всех цветов и оттенков, шарфиками, которые тоже были не просто так, но которые тоже были обращены к избранным кавалерам и тоже указывали на страстные желаниии, на устремлённую верность, на целования, на свидания, на надежду, а то и

упрекали, сомневались и говорили: «довольно, хватит!»²; что же касается
1Из «Письмовника» Николая Гавриловича Курганова (1769 г.) «Роспись о мушках».

Может кому-то будет

интересно узнать о значениях тайного языка мушек, так называемого «языка любви»:

Среди правой щеки – дева.

Среди лба – знак любви.

Промеж бровей – соединение любви.

Над правую бровью – объявление печали.

Над левою бровью – честь.

На висках – болезнь, или простота.

На правой стороне бороды – смирение.

Посреди носа – злобство.

На конце носа – одному отказ.

Под носом – вертопрашество.

На правом усе – сердечная жалость.

Под бровью – люблю, да не вижу.

Под левым глазом – слёзы.

Среди левой щеки – радость.

Под левой щекой – горячество.

Среди губы – прелесть.

Из другого источника добавляю, что верхом неприличия считалось, когда мушек было больше трёх.

²Значения тайного языка цвета шарфиков и платочков:

Померанцевый – радость,

Маково-красный – желание,

Чёрный – печаль,

Тёмно-зелёный – верность,

Голубой – постоянство,

19

ветрениц – они без всяких особых приспособлений, лишь только подведя сурьмой глаза, а усьмой брови...

Усьмой брови подведу,

Подведу глаза сурьмой,

За тобой я не пойду,

Сам пойдёшь за мной!

...и покачивая бело-жёлтыми кринолинами, сводили с ума молодых людей, которые *не* сводили с них восхищённых глаз и предлагали им свои всевозможные услуги.

Пасторальные мотивчики вместе с *Allegro ma non troppo*¹(«Пробуждение бодрых чувств по прибытии в село»²) подошли к концу, поздравив, таким образом, прибывших с прибытием и окончательно пробудив и взбодрив чувства, и приуготовив их к последующим актам. На кончике последней тоники (ах, если бы это была си бемоль!³) дамы и кавалеры, разбившись парами, замерли друг перед другом (кавалеры, откинув гордые головки чуть назад, одну руку, согнутую в локте, поместив, при этом, за спину, а второй прикасаясь к кончикам прозрачных пальчиков присевшей в грациозном книксенхене, опустившей глаза долу барышни), замерли друг перед другом, образовав уходящую анфиладой вдаль пестрейшую и ароматнейшую клумбу, и готовы были по первому же сигналу начать танец.

... и танец начался.

... из репродуктора затомил и зашёлся такой гобой с валторнами, кларнетами и флейтами, что тут же, сейчас же, хотелось растаять, раствориться, превратиться самой в мелодию, чтоб окутывать, чтоб обхватывать, обволакивать, оцеплять, опьянять, покрывать, зазывать, завлекать, развращать, растлевать, раз... (расставьте сами, как говорит В.В. Набоков).

Клумба всколыхнулась...

Лиза почувствовала вдруг, сама увидела себя вдруг цветком.

Каким цветком?

А какие цветки растут в соблазнительных картинах маэстро Сандро

Боттичелли? Какие цветки источает из груди земная его Флорида, когда её

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.